

Петр КРОТЕНКО, Ольга МАРКИНА

Эраст Гарин — обыкновенное чудо

Экран и сцена. — 1999-2000, № 52 — сс. 14-15

Читал пьесу Гарин по машинописному тексту. В сборнике пьес стоит дата написания «1954». Думаю, что пьеса должна была появиться именно после смерти Сталина. Что думают участники спектакля — их дело. Сам я считаю Шварца одним из трех крупнейших драматургов России двадцатого века, и уверен в том, что вся пьеса — размышления об ушедшем Тирани и некий ответ М.Булгакову с его «Собачим сердцем». Необычайно изящно рассказал драматург о том, что человек — это животное, которое становится собственно человеком всего на несколько секунд в жизни. А вообще-то жизнь, даже в самом сказочном королевстве — повседневное уничтожение себе подобных. Изначно и точно проводит нас всех Шварц вдоль сюжета и на наших глазах меняет заведомо грустный финал на шемдянский голливудский хэппи-энд. Проблему называет и предлагает верить в возможность ее решения. Шварц в предисловии настаивает на том, что пьеса — о нравах коммунальных квартир. Он не хочет слишком прямых ассоциаций. Для меня, однако, подлинное чудо в том, что этот драматург остался в живых; в том, что кровавая машина его пощадила.

Читка происходила в кабинете директора. Всех желающих пригласили заранее на читку и обсуждение пьесы. Решение о постановке и приказ с распределением ролей появились только после обсуждения.

Народу пришло много. Все обсуждали, спорили. Сошлись на том, что пьеса хороша и грех не ставить.

Исполнительным директором театра тогда работал В.Нежный, очень известный в театральной среде руководитель; директором — Пименов. Инициалы найти не удалось.

Е.Шварц предложил несколько названий пьесы. В театре думали о том, что публика будет путать название с чеховским «Медведем». Варианты Шварца: «Безумный бородач», «Необыкновенное чудо», «Это просто чудо», «Веселый волшебник», «Послушный волшебник», «Непослушный волшебник», «Обыкновенное чудо». Сначала репетировали под первым названием, ближе к премьере, согласовав с автором, Гарин утвердил название «Обыкновенное чудо». Шварц согласился.

На спектакль он так и не приедет. Ему будут звонить, слать телеграммы, писать письма, рассказывать по приезде в Ленинград. Он будет в курсе всего. Однако не увидит спектакля. Похоже — из осторожности опытного стрелка. Он пережил эпоху. Он знал, что вставать из окопа — ребячество. Кроме того — он знал, что такое страх. Что такое внутренний Медведь, живущий в каждом.

Сам Гарин выбрал роль Короля. При этом назначен был второй состав. Дублер. Гарин пригласил прекрасно ему знакомого актера Репнина, снимавшего много и известного широкой публике по фильмам «Мисс Мэнд» и «Веселый городок».

Репнин был на сцене, когда Гарину нужно было из зала посмотреть, как это все будет выглядеть. Когда очередь играть доходила до Гарина, он только играл, не комментировал, не отвлекался до самого крайнего случая. Задача делал, когда сцену уже прошли.

Репнин был, конечно, совсем другим — по пластике, по сути, по всему. Однажды он сказал: «Эраст, как это все будет? Я тут пашу, а ты ведь все это ставишь на себя...» Гарин ничего не сказал, только пожал плечами. Отрицать ничего не стал. Пожал плечами в смысле — сам пока не пойму, как оно будет. Репнин был толстоватый и обладал другой природой юмора. Без эксцентрики, без того моря придумок, без фирменной гаринской остроты рисунка, без гротескного взгляда на человека в мире. По-своему был очень хорош, но совсем

В стране был 1955 год, Эраст Гарин служил на должности артиста в Театре Киноактера. Он уговорил художественного руководителя театра Андрея Александровича Гончарова разрешить ему, Гарину, поставить спектакль. Принес рукопись пьесы ЕШварца "Медведь".

Там, в рукописи, пока невидимая, уже жила фраза «Все будет хорошо, все кончится печально».

Сталин уже умер. Театр не умер. До моего появления на свет оставалось еще целых два года. Моя мама, Ольга Александровна Маркина, записывала на репетициях за Эрастом Павловичем пояснения и афоризмы, положив на колени толстую тетрадь в кожаном переплете.

Прошло сорок четыре года. Я уговаривал маму прочесть мне эти записи еще раз. Она сопротивлялась: «Кому это сейчас нужно?»

Прошло сорок четыре года. Я уговаривал маму прочесть мне эти записи еще раз. Она сопротивлялась: «Кому это сейчас нужно?»

Вместо ответа я напечатал название будущего текста и показал ей.

Мамини записи кое-где будут прерываться моими комментариями, ее сегодняшними высказываниями, поясняющими сведениями и комментариями мамини подруги, участницы тех репетиций актрисы Натальи Крачковской.

другой. Пожалуй, был единственным, кто понимал все остроты Эраста Павловича, весь его сложнейший языковой стиль.

Например: «государственная мочеполовая комиссия». Или — просто от хорошего настроения: «птичка боится не знает ни заботы, ни гвоздя». Просто — сказал и все.

Говорил из зала: «Это надо по-румынски сыграть!» Актеры выходили из кулис и переспрашивали, в каком, мол, смысле по-румынски. Репнин хохотал сразу, Гарин что-то отвечал, парировал, все расходилось довольные, что поняли наконец-то и досмеивались в кулисах.

На репетиции ходила Янина Жеймо. На нее были сшиты костюмы. Имелась в виду роль Принцессы. Ни разу не репетировала, ни разу не выходила на сцену. Так бывает в театре — ждет, ждет актер, все уверены, что играть будет именно он. А он даже на сцену не выйдет.

Включилась в ход репетиций Я.Жеймо лишь однажды, когда потребовалось срочно вводить Н.Крачковскую, в связи с тем, что Элле Некрасовой пришлось ехать на съемки.

В СТИЛЕ «АНДЖЕЛО»

Пьеса под названием «Анджело» шла в те годы в Театре Киноактера. Гарин говорил на репетициях — «играем в стиле «Анджело». Это означало — играем в романтическом стиле, на котурнах, возвышенно.

Хотя тут же, через несколько секунд: «Я теперь страшный юдофоб по оперу» — в том смысле, что данный тип театра его пугает.

«Тут черный хвост литературщины нависает над зрительным залом как черная туча».

«Мы привыкли смотреть всякие «попрыгуньи», где все разлагается». Это следовало понимать так — Гарин недоволен замедленным ритмом действия, актеры «расселись», потеряли ритм сцены. Он имел в виду название фильма режиссера С.Самсонова, как пример обильных разговорных сцен при неподвижности персонажей.

«...театр сейчас — ругательное слово. С ним нужно бороться».

«Регламентированные герои оказались негероями. А поднялась целая плеяда людей, которых никто не знал».

Тогда в центральной печати шла дискуссия о реализме и творческом развитии системы Станиславского, организована ЦК партии. Мама моя особо отмечала резонанс статей В.Топоркова. Гарин: «Маразм должен быть в рамках». Все онемели.

«Если мы пойдем с вами в пивную, и я вам буду говорить, что я — гений, это нормально. Если человек пьян, свалился в оркестр — порядок! Но этот — средний актершишко московский... Изображает из себя Станиславского! Обосрал всех актеров!»

Мама, естественно, в шоке. «Для нас всех тогда Топорков был мыслитель и голова. Он рассуждал и жил высшими материями профессии. Я сама была в этой самой литературщине, я верила в слова С.А.Герасимова о главенстве мысли в актерской игре и мне было трудно понять Гарина совсем безоговорочно».

Е.Шварц «Медведь» 1-й акт. Хозяин: «Шел, понимаешь, по лесу, вижу — молодой медведь. Подросток еще... Голова лобастая, глаза умные. Разговорились мы, слово за слово, понравился он мне. Сорвал я ореховую веточку, сделал из нее волшебную палочку... Ну чего тут сидеться, не понимаю».

Многие актеры в те годы ночевали в здании Театра. Не было московского жилья. Ночевали на огромном диване, стоявшем в зрительском фойе, на втором этаже. Это место как эстафету одна семья отдавала другой.

Отец мой репетировал у Гарина роль ученика Охотника, мать была занята в роли Фрейлины.

Подрабатывала в пошивочном цеху, обметывала швы на длинных платьях из своего же спектакля. Приметывала подкладки. Начальница пошивочного цеха жестко требовала выполнения работы, несмотря на то, что нужно было по четыре часа в день репетировать. Работа в пошивочном была совместительством, и это дело было наказуемым. Мамина подруга Люся оформилась в пошивочный цех, чтобы мать могла получать дополнительные рубли. Афера этих двух молодых дам почему-то так и не выплыла наружу. Удивляются до сих пор обе.

В старой записной книжке указан номер телефона: Г-1-56-57. ГАРИН.

В комнате репетировали очень недолго. Гарин торопился на сцену.

Много внимания уделял подбору музыкальных тем. Говорил пианистке: «Дайте нам темочку, которая напоминала бы звон телеграфных столбов в морозное утро!»

Лидия Абрамовна, пышногрудая, с густонакрашенными глазами особа, играла, обычно ссылаясь на слабую музыкальную память: «Тут нужны ноты, я могу допустить искажения. Придется играть от себя». «Да! — радовался услышанной темочке Эраст Павлович. — Эта хорошо напоминает зубную боль!»

Сцен, где требовалась бы музыка, было очень много. Потом эти отобранные фрагменты отдавались заведующей музыкальной частью театра Людмиле Раппопорт, чтобы она раздобыла ноты. На спектакле это все исполнял оркестр из открытой ямы.

Для первого акта, для сцены под рабочим названием «Вьюга» отобрали фрагмент из Рахманинова. Из ямы доносился голос пышной Лидочки: «Мне придется искажать, поскольку тут нету». Гарин орал из зала: «Искажайте его, черта, он все равно в Лос-Анджелесе умер».

Далее темперамент его захлестнул и он завопил: «Лидя, давай! — перекрывая ее кукольно-конфетные ответы из ямы. — Воткните! Извините за выражение. Чтобы было, как на комсомольском митинге!»

В каком-то другом месте попросил «вдохновенный томный бостончик с восторгом».

На его вопли Пышная Конфета не обижалась, привыкла. Гарин обладал удивительным даром произносить крепкое слово ласкательно, нежно.

Когда исполнитель роли Медведя, которого Гарин единственным из всех называл по имени-отчеству «Вячеслав Васильевич», подавал Принцессе стакан молока, режиссерское задание звучало так: «сунь ей этот стакан под рыло!» Чтобы как раз убрать стиль «анджело», чтобы энергичным жестом Медведь-Тихонов сделал своего персонажа сочным, живым, темпераментным. Чтобы театральные котурны исчезли там, где торжествует жизнь.

Из ямы: «Бурю» играть, Эраст Палыч?» — «Да! А то мы как будто в крематорий идем».

Даже на первых музыкальных примерках требовал от Лидочки соучастия происходящему: «чтобы не какой-то абстрактный дирижер... сидит под кустом бузины».

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПЕРВОГО АКТА

Встреча Медведя с Принцессой. Медведь предлагает Принцессе молоко. «Вы «молоко» скажите, как малограмотный, как будто из себя «доил»».

Это — Тихонову, для того, чтобы убрать всякую слащавость из уже возникшей влюбленности.

«Объясните ей, дура, которая не понимает, что это такое налито белое, и что именно его нужно пить, вот именно это, белое». Тут же Принцессе, актрисе Э.Некрасовой: «А вы не отдергивайтесь, а просто в носзрю хлебнула кислорода». Неземное, воздушное, сказочное существо Принцессы хотел выразить по человеческим законам восприятия. Сделать сказочное, выращенным из человеческого, естественного. «Как впервые человек воспринимает запах нашатыря? А теперь вот так же воспримите запах молока, ведь вы же Принцесса».

В этой же сцене, обращаясь к Принцессе: «Повертись немного, как дура. Ведь это очень красиво. Женщины обычно этого не понимают». Повертеться не получилось, кто-то предложил, пусть, мол, это поставит хореограф. «Да чего тут «ставить»?! Пусть повертится, как хочет».

В следующей сцене обратил внимание актера на «жизнь рук, каждый чтобы палец. Иначе получится граблеобразно».

Молодые люди влюбляются. Медведь понимает, что прекрасная девушка — Принцесса. Он в ужасе. Он исчезает в неизвестном направлении верхом на коне.

Король предлагает ехать, и все бросаются к выходу. «В дверях — Палач. Как катастрофа. Все на него натапливаются. Затор».

Палача играл Георгий Милляр Охотника — Андрей Пунтус Первого министра — Алексей Добронравов Хозяина — Константин Барташевич Хозяйку — Нина Зорская Аманда, фрейлина — Светлана Коновалова Мой отец, Юрий Кротенко, играл Ученика охотника.

Гарин лепил отношения и биографии снаружи, заостряя, укрупняя восприятие происходящего, прорывая скорлупу повседневных привычек.

Второй акт. Король ищет Принцессу, усаживая на поиски любимого. Трактир «Эмилия». Придворная Дама — в честь нее Трактирщик назвал свое заведение — узнает в нем юношу, которого некогда любила и над которым слишком зло подикутила. Ее своеволие — причина разбитой любви обоих.

Реплику Трактирщика (актер Виктор Авдюшко) пояснял так: «Замужем были? Это элегия». Имелось в виду определение не только голосовой окраски, но точной природы чувств.

Эмилию, Придворную Даму, играла Валентина Караваева. «Она подводит итог жизни, перебирает страницы», — требовал Гарин. Имелось в виду отношение к тексту, настроенные сцены. Караваева тогда уже не снималась. Автомобильная катастрофа длинным шрамом через все лицо перечеркнула ее кинематографическую судьбу. Гарин, приглашая актрису, сразу знал, что эту роль будет играть только В.Караваева.

Обычно Придворная Дама получается сла-

12.99

Гарин Эраст